

М. И. МУЛИЧ

Отражение «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия в древней сербской литературе

В одной из своих работ, посвященных вопросам византийско-южнославянско-русских литературных связей, М. Н. Сперанский в числе других памятников древнерусской литературы, послуживших оригиналами для некоторых южнославянских текстов, упоминает также русский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.¹ Сравнительно недавно к вопросу о проникновении произведения Флавия к южным славянам обратился и болгарский ученый Боню Ст. Ангелов.² Он показал, что на Балканах интересовались «Историей Иудейской войны» и переписывали ее вплоть до середины XVIII в.³

В записи на древнейшем сербском списке «Истории» Иосифа Флавия, хранящемся в библиотеке Хиландарского монастыря, переписчик — священноинок Григорий, «в схиме преименованъ Василие», — оставил нам не только дату, но и некоторые иные, чрезвычайно важные данные, относящиеся к списку — оригиналу «Истории»: «В лето 7093 преписах сию книгу Иосипа премудраго, иже от евреи удръжавшаго преискрънаго любомудрие Маттафия от рускаго извода, понеже не обреташе се сия книга Иосип нашимъ сръбскимъ езыхомъ ни в Светей Горе в сръбскихъ монастырех, ни в сръбскеи земли, понеже много исках и испитовах, не вемъ аще где ес[ть] в бльгарскихъ землях, нь не узнах, понеже и тамо питах, нь принесена быс[ть] от рускые земли. Велми тежка быс[ть]нашему сръбскому езыху на чтение, яко мноземъ не знати что чтуть, рускыхъ речи не разумеюще».⁴ Таким образом, поскольку перевод «Истории Иудейской войны» у южных славян появился лишь в конце XVI в. (1585 г.), следы этого произведения в сочинениях южнославянских авторов предшествующего времени найти нелегко. Однако текст «Истории» Иосифа Флавия отразился в одном произведении XIV в. — в Житии архиепископа Даниила II, написанном его же учеником.

Рассказывая о злоключениях жителей Афона во время нашествия в 1307—1309 гг. («безбожьнымъ езыхомъ, еже фругы и туркы, яси же и татари, моговари же и каталани и прочии многоименовании езыхи пришь-

¹ М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, стр. 179.

² Боню Ст. Ангелов. Иосиф Флавий в южнославянских литературах. — ТОДРА, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 255—261.

³ Там же, стр. 258—259 (перечень южнославянских списков).

⁴ Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књига I. Београд, 1902, стр. 233.

дше тогда на Светую Гору»), автор Жития сопоставляет их с бедствиями, описанными Иосифом Флавием: «Мьнить бо ми се, възлюблени, яко суштее рати и страхования подобна суть оному страданию иерусалимскому, еже приеть от Тита кесара римскааго».⁵

Имел ли наш автор в своих руках «Историю» Иосифа Флавия или он свои сведения об осаде Иерусалима Титом получил косвенным путем, например из Хроники Георгия Амартола, использовавшего, как известно, в своей III книге VI книгу «Истории» Флавия? Таким образом, возможными источниками остаются сербская и русская редакции славянского перевода Хроники Амартола и русский перевод «Истории Иудейской войны».

Согласно мнению М. Вейнгарта, южнославянская редакция перевода Хроники Амартола («Летовник») возникла не раньше третьей четверти XIV в. в Болгарии, откуда перешла в Сербию;⁶ древнейший сербский список — рукопись Московской Синодальной библиотеки № 148 — датирован 1386 г. Но сейчас известны более древние списки «Летовника»: среди рукописей Цетиньского монастыря оказалась Хроника Амартола 1350—1360-х годов.⁷ Принимая во внимание, что в сборнике ЖКиАС жизнеописание Стефана Душана не доведено до конца правления этого сербского государя (1355 г.), что озаглавлено оно «Стефань краль сынь третияго Уроша» (ни в одном из списков ЖКиАС, которые использовал Даниич для своего издания, не упоминается царский титул Душана⁸) и что только это жизнеописание особенностями своего стиля и обширностью повествования сродни житиям Стефана Дечанского и архиепископа Даниила II, можно принять утверждение Л. Стояновича, что их автором был ученик Даниила.⁹ По-видимому, этот автор не пережил Душана. Поэтому считается, что Житие Даниила написано было не позднее 50-х годов XIV в.

Естественно возникает вопрос: мог ли южнославянский перевод «Летовника» послужить автору Жития Даниила для иллюстрации при описании ужасов осады Хиандара? Ответ на этот вопрос мы получим отчасти при сопоставлении интересующих нас текстов из Жития, «Летовника», русской редакции перевода Хроники Амартола и «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (разрядка во всех цитатах наша):

1) Житие Даниила II

2) «Летовник»

3) «Книги временья и образья Георгия мниха»

4) «История Иудейской войны» Иосифа Флавия

Тому (Титу) бо пришьдъшу на Иерусалим, всака душа града бе падаюшти въ острии мьча и прочее зьло-	Друзии же ска- редиимъ прикасааху се имже ни сквернейшии от бесловесныхъ прикасаты се, коньчне еже,	Инии же срамах прикасахуся, от нихъ же ни скверну скотиньную отметаваху, после же поясы ж ваху и са-	И вся обретаема в зубы впошаше нужна, яже не потребна быша скверным безсловесным животинам, то
---	---	--	--

⁵ Животи кралева и архиепископа српских, написао архиепископ Данило и други, на свијет издао Даничић, Загреб, 1866, стр. 341 (далее: ЖКиАС).

⁶ Miloš Weingart. Byzantské kroniky v literatuře církevně-slovanské, část II, oddíl 2 Bratislava, 1923, стр. 462, 465.

⁷ Д. Вуксан. Рукописи Цетиньског манастира. — Сборник за историју Јужне Србије и суседних области, Скопље, 1936, стр. 220, № 83 (с датировкой XV в.); В. Мошин. Тирилски рукописи Цетиньског манастира. — Ljetopis Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, 2, knj. 61, 1956, № 83. Водяные знаки см.: В. Мошин et S. Traljić. Vodeni znakovi XIII i XIV vijeka, tt. I—II, Zagreb, 1957, №№ 4348 4352.

⁸ ЖКиАС, стр. V и 215.

⁹ Л. Стојановић. Житија кралева и архиепископа српских, од архиепископа Данила и других. — Глас Српске Краљевске Академије, № 106, 1923, стр. 97, 104.

бы бедно сказуемы. Чловеци бо поясы свое жвааху и сапогы, а друзии же ихъ и скаредьнейшимъ прикасааху се.¹⁰

поясы свое погы и коже жвааху и сапогы, и усмы от щитыные ядыху въздааху отдирающе.¹¹

сами выбирающе ради ядыху. И на конци ни пояс, ни сапог не гушахуся, ни кожщитных, но раздирающе, ядь ради, ядыху. Аще же согнившее сено и соломѹ обретаще, то бяше имъ пища, аки со благоуханными зелии устроена.¹³

Создается впечатление, что отрывок из Жития Даниила ближе всего к тексту «Летовника». И в том, и в другом имеются лексические, а также синтаксические сходства: 1) встречается слово «скарედьнейшии—скарэди» (кстати сказать, почти не встречаемое в сербских рукописях, в русских же хорошо знакомое);¹⁴ в русском тексте Амартола вместо этого находим «срам»; 2) и в Житии, и в «Летовнике» читаем: «поясы свое . . . и сапогы», в русской же редакции Амартола, как и в греческом подлиннике¹⁵ и в русском переводе «Истории» Иосифа Флавия, определение «свое» отсутствует. Эти факты нельзя не учитывать. Если ученик Даниила II действительно заимствовал данное место из сербского «Летовника», тогда необходимо отодвинуть возникновение сербской редакции «Летовника» ко второй четверти XIV в. Необходимо учесть, что в «Летовнике» и в Житии порядок фраз не один и тот же. Отрывок Жития «Тому (Титу) бо пришьдъшу . . . бедно сказуемы» по содержанию соответствует более пространному тексту из VI книги «Истории» Иосифа Флавия.¹⁶ Другой отрывок Жития — «А друзии же . . . прикасааху се» — по смыслу близок к приведенному выше тексту из «Истории» Иосифа Флавия, начинающемуся словами: «и вся обретаема» и т. д. Автор Жития не буквально переносил текст своего источника, а свободно переносил в свой рассказ то, что ему подходило. Заключительный отрывок приведенного текста из Флавия нашел также свое соответствие в более уточненном варианте, только уже в другом месте Жития: «. . . яко сему блаженному и елико сущиныхъ съ нимъ не имети имъ чесо въкусити, тъкмо люскы сочивьныи въ праху избираюште и ты грызааху».¹⁷

Автор Жития был человек образованный и весьма начитанный, что явствует из его произведений. Нужные сведения о пленении Иерусалима он мог почерпнуть из греческих рукописей; впрочем, ему были доступны также и русские переводы этих произведений. Его учитель поддерживал дружеские связи с русскими монахами Афона, а игумен монастыря св. Пантелеймона был даже духовником Даниила II. Культурные связи между

¹⁰ ЖКиАС, стр. 341.

¹¹ ГБЛ, Синодальный список, № 148, л. 165 об.

¹² В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Текст. Пгр., 1920, стр. 266.

¹³ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 412.

¹⁴ См.: Срезневский. Материалы, т. III, столб. 366—367.

¹⁵ J.-P. Migne. Patrologia graeca, t. CX. Paris, 1863, столб. 453. Ср. также в «Истории церкви» Евсевия Кесарийского, текст которого более близок к подлиннику Иосифа Флавия; у Евсевия также нет определения «свое»; см.: J.-P. Migne. Patrologia graeca, t. XX. Paris, 1857, столб. 229, В—С.

¹⁶ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. . . , стр. 410—412.

¹⁷ ЖКиАС, стр. 343.

Хиландаром и русским монастырем должны были быть особенно живыми и деятельными в то время, когда последний испытал на себе «от Русие въсеконьчю оставление» — как об этом сказано в хрисовуле царя Душана, принявшего на себя звание ктитора монастыря св. Пантелеймона (1349 г.).¹⁸ В те годы и перевод «Истории» Иосифа Флавия мог попасть в хиландарскую библиотеку. Ведь в послесловии священноинока Григория к сербскому переводу «Истории» Флавия отнюдь не сказано, что книги, которую он так тщательно искал на сербском языке, не было на Афоне на русском языке. Там сказано только, что книга привезена была из Русской земли. Когда и при каких обстоятельствах это произошло, не говорится. Зато в записи указано, что книга эта была очень трудной «нашему срьбскому езыку на чтение» и многие не знали, что читают, ибо не понимали по-русски. Это не удивительно, поскольку прошло уже более двухсот лет со времени жизни Даниила и его ученика. За это время Хиландар перестал быть тем культурным сербским центром, каким он являлся в XIII—XIV вв., когда в нем подвизались Доментиан, Даниил и старец Исая. Кроме того, язык русского перевода труда Иосифа Флавия, понятный Доментиану и Даниилу, сделался труднопонимаемым для полуобразованных сербских монахов XVI в. Поэтому можно предположить, что русский перевод «Истории» Флавия уже задолго до XVI в. находился на Афоне (быть может, и в самой хиландарской библиотеке), почти никем не читаемый. И только инок Григорий, после того как он в первый раз побывал на Руси и там «привык немного русского языка», обнаружив это произведение, заинтересовался им. Не владея еще в совершенстве русским языком, он начал поиски, надеясь где-нибудь отыскать «сербский извод» «Истории» Флавия. Лишь после долгих и тщетных поисков, вернувшись из второй поездки в Россию, он стал списывать книгу «сербскими речми».

Возможно, что ученик Даниила II мог использовать в качестве источника и русский перевод «Истории Иудейской войны». Совпадения же в тексте Жития и «Летовника», при наличии более древнего списка последнего (нежели список Московской Синодальной библиотеки № 148), говорят о том, что сербская редакция «Летовника» могла возникнуть во время деятельности ученика Даниила II и даже могла принадлежать ему же.

Более тщательный стилистический и языковый анализ Жития архиепископа Даниила, цетиньского списка «Летовника» и «Истории Иудейской войны» в русском переводе могут подтвердить либо опровергнуть результаты наших наблюдений.

¹⁸ Т. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888, стр. 63.